

УДК 821.161.2:27-23

БИБЛЕЙСКИЙ КОД ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

ЛЕСИ УКРАИНКИ «ОДЕРЖИМАЯ»

Жвания Л.В.

Статья посвящена исследованию смысловых пластов драматической поэмы Леси Украинки «Одержимая», которые раскрываются вследствие соотнесенности произведения с библейским текстом. Автором рассматриваются особенности интерпретации евангельских образов и мотивов. Особое внимание уделяется художественной репрезентации образа Христа. Указывается, что основной акцент автор делает на том, как образ Мессии преломляется сквозь видение главной героини произведения. Обосновывается предположение, что Мириам – тип нераскаявшейся грешницы, которая повторяет на своем, человеческом уровне путь Христа, что является своего рода пародией. Особенности трансформации новозаветных образов и сюжетов в произведении соотносятся с мировоззренческой позицией его автора.

Ключевые слова: Библия, Евангелие, одержимость, образ Христа, драматическая поэма, Леся Украинка.

THE BIBLE CODE OF THE DRAMATIC POEM

“OBSESSED” BY LESYA UKRAINKA

Zhvania L.V.

The article studies the semantic layers of the dramatic poem “Obsessed” by Lesya Ukrainka, which are revealed due to the correlation of the work with the biblical text. The author considers features of the interpretation of the Gospel images and motives. Particular attention is paid to the artistic representation of the Christ image. It is indicated that the author makes the main emphasis on how the image of the Messiah is refracted through the vision of the main character of the work. The assumption is substantiated that Miriam is a type of unrepentant sinner who repeats the path of Christ on her human level, which is a kind of parody. The features of New

Testament images and plots transformation in the work correlate with the ideological position of its author.

Keywords: Bible, Gospel, obsession, the image of Christ, dramatic poem, Lesya Ukrainka.

Время написания драматической поэмы «Одержимая» – 1901 г. Начало XX века представляет собой период европейской истории, характеризующийся кардинальным изменением мировоззренческой парадигмы, связанной с процессами секуляризации, которые можно обозначить как автономизацию всех сфер человеческой практики (политики, науки, экономики, образования, этики, искусства) от религии. Философским основанием таких изменений стали с одной стороны, теории рационализма и материализма, которые по-новому переосмысливались в философии Л. Фейербаха и К. Маркса, а с другой – иррационализм А. Шопенгауэра, нигилизм Ф. Ницше, психоанализ З. Фрейда и К. Юнга.

С вытеснением религии из общественной жизни, ее роль в формировании мировоззрения переходит к философии, науке, литературе. Как следствие, Библия начинает восприниматься не как сакральный текст, а как исторический и литературный памятник, источник мифических сюжетов, мотивов.

Особенности мировоззренческо-философских ориентиров эпохи модерна, безусловно, повлияли на мироощущение Леси Украинки и на способ литературной трансформации евангельского сюжета в ее драматической поэме. Однако основная причина обращения к Библии в период, ставший переломным не только в истории, но и в биографии Леси Украинки, связана, на наш взгляд, с попыткой автора найти ответы на фундаментальные вопросы человеческого бытия. Ведь библейский сакральный текст включает в себе ту глубину этического смысла, постижение сущности которого способно открыть истину.

Исследованию драматической поэмы «Одержимая» посвящено немало работ. В каждом исследовании семантические аспекты произведения интерпретируются, исходя из различных методологических подходов. В.

Агеева [1] рассматривает данную драматическую поэму в русле феминистской критики, Н. Зборовская [8] использует методы психоанализа, для О. Забужко [7] приоритетным оказывается инструментарий постколониальной критики, а также анализ произведения в культурно-историческом аспекте. Т. Гундорова, О. Кузьма, Я. Полищук, Л. Скупейко [6; 9; 14; 15] в своих вариантах интерпретации «Одержимой» обращаются к идеям философии экзистенциализма. Н. Банацкая и И. Бетко [4; 2] акцентируют на морально-ценностных аспектах авторского переосмысления новозаветной истории.

Все перечисленные подходы по-своему продуктивны, поскольку позволяют открыть новые смысловые пласты произведения. Однако, несмотря на то, что сюжет, время и место действия драмы прямо отсылают к сакральному тексту Писания, потенциальные возможности интерпретации, основанной на анализе диалогического взаимодействия текста драмы с Библией, остались вне поля зрения исследователей. Следовательно, цель данной работы состоит в том, чтобы через соотнесенность с библейским текстом постичь глубинную суть тех смысловых пластов произведения, которые раскрываются вследствие авторского переосмысления евангельских образов и мотивов.

Обращение Леси Украинки к наиболее трагическому моменту новозаветной истории, связанного с феноменом жертвы Христовой, является следствием пережитого личного опыта страдания писательницы. Ведь это – тот опыт, который позволяет человеку приблизиться к тем глубинам духовного восприятия мира и себя в нем, которые при обычных обстоятельствах остаются недоступными. Человек, обогащенный таким опытом, становится способен отбрасывать все поверхностное, преходящее, стремясь постичь истинную сущность бытия. Глубинный катарсический эффект страдания имеет свойство проявляться в предельных ситуациях на грани бытия и смерти. Именно такой экзистенциальный опыт пришлось пережить автору «Одержимой». Об этом говорится в письме Леси Украинки к Ивану Франко: «... я ее в такую ночь писала, после которой, видимо, буду долго жить, когда уж тогда жива осталась».

И даже писала, не переварив тоски, а в самом ее апогее. Если бы меня кто спросил, как я из всего этого живая вышла, то я бы тоже могла ответить: *J'en ai fait un drame*» [13, с.18].

Как известно из биографии Леси Украинки, она два месяца ухаживала за смертельно больным другом и любимым – Сергеем Мержинским, который умирал на ее руках. Можно только представить ту боль, которую пришлось ей пережить, осознавая собственное бессилие перед неотвратимостью смерти, не имея возможности помочь, спасти любимого человека. Леся Украинка не просто находилась у постели умиравшего друга, она прошла с ним всю дорогу к смерти. Этот опыт привел к изменениям в ее внутреннем мире. Ведь, как отметил В. Франкл, «...страдание вызывает плодотворное... кардинально преобразующее, духовное напряжение» [17, с. 223].

Следует отметить, что до «Одержимой» рецепция Библии в произведениях Леси Украинки имела иной характер. В основном текст Писания воспринимался поэтессой только как источник вечных образов, сюжетов, мотивов, которые она переосмысливала в ряде лирических произведений, вошедших в сборники «На крыльях песен», «Думы и мечты», в поэмах «Самсон» и «Грешница». По нашему мнению, обращение в «Одержимой» к евангельскому сюжету – это проявление стремления автора найти ответы на вечные «проклятые» вопросы смысла жизни и смерти. Отсюда и выразительные богоборческие мотивы, и полемика с Библией. Однако для того, чтобы приблизиться к пониманию этого произведения, необходимо декодировать те его смыслы, которые не лежат на поверхности, и которые не могут быть прочитаны и истолкованы без тех ключей, которые находим в тексте Библии. Подобное «декодирование», по нашему мнению, стоит начать с названия драматической поэмы. Ведь, как утверждал У. Эко, название – «ключ к интерпретации» [19, с. 428].

Одержимость в библейском понимании – состояние, в котором человек подчинен одному или нескольким инфермальным сущностям: духам, демонам, дьяволу. Библейская энциклопедия Брокгауза предлагает следующее

определение одержимости: «вселения бесов в людей и полное подчинение ими мыслей, чувств и воли этих людей» [11] и подает пример из Евангелия от Луки: «Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искарот, один из двенадцати, и он пошел и говорил с первосвященниками и начальниками, как Его предать им. Они обрадовались и согласились дать ему денег» (Лк. 22:3-5).

Темные силы, входящие в жертву, приводят к ряду негативных изменений в ее физическом и духовном состоянии: «Бес завладевает человеком с целью нарушить связь одержимого с Богом и подтолкнуть его к дурным поступкам; ...совратить человека к неверию; ... осквернить ему душу» [11].

В Евангелии находим примеры исцеления одержимых, совершенных Христом и апостолами, вот некоторые из них: «И прошел о Нем слух по всей Сирии. И приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их» (Мф. 4:24), «Когда же те выходили, то привели к Нему человека немого бесноватого. И когда бес был изгнан, немой заговорил» (Мф. 9:32-33), «И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь» (Мф. 10:1).

У исцеляемых Христом одержимых проявляются такие признаки пребывания во власти духов как сверхъестественная сила, эпилептические припадки, агрессивное поведение, которое приводит к телесным повреждениям и угрозе жизни: «И когда вышел Он из лодки, тотчас встретил Его вышедший из гробов человек, одержимый нечистым духом, он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями, потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его; всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни; увидев же Иисуса издалека, прибежал и поклонился Ему, и, вскричав громким голосом, сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? заклинаю Тебя Богом, не мучь меня! Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека...» (Мк. 5:2-8); «Когда они пришли к народу, то

подошел к Нему человек и, преклоняя пред Ним колени, сказал: Господи помилуй сына моего: он в новолуния беснуется и тяжело страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду ... и запретил ему Иисус, и бес вышел из него. И отрок исцелился в тот час!» (Мф. 17:14-15, 18). Среди характерных признаков одержимости называют также апатию «и печальное, безрадостное состояние души» [10, с. 124].

Героиня драмы Леси Украинки не обладает явными, физическими признаками одержимости, однако, ее подавленное душевное состояние, о котором идет речь в начале драматической поэмы, может восприниматься как свидетельство пребывания во власти духа: «Мириам, "одержимая духом", в глубокой печали блуждает меж камнями, ... и смотрит не на берег, а в глубину пустыни, – она видит кого-то вдали» [12, с. 7]. Мириам осознает свою одержимость: «Зачем же я вослед за ним блуждаю? / Сама не знаю. Видно, дух / Завел меня на верную погибель» [12, с. 8]. Однако, она не просит Мессию об исцелении:

*Какая шла толпа
Вслед за ним в пустынной Галилее!
И каждый мог притронуться к одежде,
К концу плаща Мессии, только я
Не прикоснулась, ибо ничего я
Просить не собиралась – ни здоровья,
Ни утоленья голода. Не знаю,
Зачем я шла с толпою... [12, с.8].*

Аллюзия к Евангелию использована автором с целью противопоставления Мириам всем тем людям, которые обращались ко Христу с просьбами, тем, кого он исцелил: «И куда ни приходил Он, в селения ли в города ли, в деревни ли, клали больных на открытых местах и просили Его, чтобы им прикоснуться хотя к краю одежды Его. И которые прикасались к Нему, исцелялись» (Мк. 6:56). Кого накормил: «И велел народу возлечь на траву и, взяв пять хлебов и две рыбы, воззрел на небо, благословил и,

преломив, дал хлебы ученикам, а ученики народу. И ели все и насытились...» (Мф. 14:19). Из кого изгонял бесов: «И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов...» (Мк. 1:34). Мириам ничего не хочет от Мессии, в отличие от других, она стремится не получить, а отдать жизнь вместо Мессии или умереть вместе с ним: «Быть может, кровью свою пролить могу я, / Чтоб не лилась твоя святая кровь! ... позволь погибнуть / Не за тебя, так лишь с тобою вместе!» [12, с. 18],

Как известно, понятие «одержимость» имеет и другое, отличное от библейского, значение. Одержимый – тот, кто находится, в плену какого-либо чувства, идеи, страсти, настроения. Символический смысл заглавия и наименования главной героини произведения объединяет оба значения этого слова: одержимость Мириам – это не только одержимость духом, но и одержимость идеей принести себя в жертву, умереть: «Хотя б меня та молния убила, / Я жажду, жажду, чтоб она слетела...» [12, с. 7], это стремление можно назвать одержимостью смертью.

Использование в драме еврейского варианта титула «помазанник» – Мессия, а не греческого аналога – Христос также имеет глубокий смысл, важный для понимания художественного образа Спасителя. На наш взгляд, не стоит связывать его только с авторским стремлением воссоздать исторические особенности евангельских событий. К привлечению более широкого библейского контекста побуждает и сам текст драматической поэмы: «Придёт Мессия судьей на землю» [12, с. 8] – цитирует пророчество Мириам. Эта парафраза слов ветхозаветного пророка Исаии: «И будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Ис. 2:4) служит ключом для понимания особенностей интерпретации образа Христа в произведении. Мессия здесь строгий и справедливый судья, как и положено Божьему помазаннику – царю. Он говорит с Мириам «ласково и вместе строго» [12, с. 9], предлагает даровать покой и предупреждает о наказании для тех, кто осознанно противится воле Бога: «Упряма речь твоя, ты

как рабыня, / Которая не внемлет господину, Хотя его отлично знает волю» [12, с. 12].

Но Мириам не хочет избавляться от одержимости духом. Это ее свободный выбор, поэтому Мессия не исцеляет ее. Ведь, как отмечал Н. Бердяев, «Христианство есть религия свободы...» [3], человек волен выбирать между добром и злом. Присутствие в личностном мироощущении Бога, способствует четкости построения картины мира, в центре, которого находится Абсолют добра, а злом является все, что уклоняется от него. Мириам, по словам Мессии, «мало верит», поэтому у нее свое видение добра и зла. Как и большинство людей, которые жили во времена Христа, она воспринимает Его как «сына человеческого», ведь возвыситься до понимания сути искупительной миссии Христа, его проповеди любви и всепрощения дано не всем. Мириам не желает избавления от ненависти, которая испепеляет ей душу, поскольку для нее любовь к Мессии невозможна без ненависти к его врагам. Природа чувства Одержимой слишком человеческая, она стремится к взаимности: «Я заострила зрение в пустыне, / Как соколиный взор, – я все следила, / Не бросит ли свой взгляд он на меня. / Не поглядел он и не обернулся...» [12, с. 8]. В ответ на Христову заповедь о любви к врагам («Я их любить учу») Мириам отвечает: «А я люблю... не их» [12, с. 13]. Ее душа не может вместить ту полноту любви, которую проповедует Спаситель, воплощением которой Он является.

Поскольку Божественная природа Христа предстает в Священном Писании первично целостной, а евангельские события реализуются одновременно в сферах духовного, нравственного и эстетического, писатель, который попытается трактовать образ Иисуса, всегда будет подвергнут опасности предстать в роли неудачного подражателя. Ведь художественное изображение Христа всегда обречено быть ниже того образа, который представлен в Новом Завете. Леся Украинка избегает такой опасности. События евангельской истории воспринимаются в ее произведении как определенная матрица, которая существует в сознании читателя, как уже познанное, и на

которую накладывается непосредственное нравственное и эстетическое переживание.

Следует отметить, что, хотя в «Одержимой» Мессия является действующим лицом, основной акцент автор делает на том, как образ Спасителя преломляется сквозь видение главной героини произведения.

Как персонаж драмы, Мессия показан в двух ситуациях: одна из которых – плод авторского вымысла – встреча и разговор с Мириам, а другая – молитва Иисуса в Гефсиманском саду, изображена в соответствии с Евангелием. В диалоге Мессии с Одержимой излагаются истины об основах христианства: о Боговоплощении («Я верю, что Ты Божий сын, Мессия...» [12, с. 10]), о Царствии Небесном («О Царстве Божьем на земле ты знаешь?» [12, с. 14]), о вере («Если б ты / Хоть зернышко имела...»), о необходимости Искупительной Жертвы («Им слова недостаточно для веры, – / Нужны дела /...Воды здесь мало, нужно крови. /...Моей» [12, с. 15]), и, главное, о сути Божественной любви: «Я так сказал: кто молвит, / Что любит бога, брата ж ненавидит, – / Лукавит тот. /... Любовь.../ Должна, как солнце, всем давать сиянье» [12, с. 17].

Таким образом, в интерпретации Христа как действующего лица драмы, автор не выходит за пределы христианского канона. Мессия – воплощение абсолютной всепрощающей любви, вместе с тем, является совершенной личностью, обладающей такими качествами, как решительность, воля, сила духа. Леся Украинка не отходит от евангельской истории и в описании сугубо человеческого в образе Спасителя: минутной слабости, проявленной в просьбе к небесному Отцу, во время молитвы в Гефсиманском саду: «Да минет / Меня, отец мой, эта чаша...» [12, с. 20]. А также в выраженном в его обращении к ученикам чувстве одиночества, страха и печали человека перед осознанием неизбежного: «Вы спите? Полно спать! Моя душа / Скорбит смертельно...» [12, с. 19].

В глазах Мириам Мессия является, в первую очередь, человеком, а не Богом. Отсюда ее попытки вместить Его Божественную сущность в пределы человеческих ценностных координат вроде счастья – несчастье:

О, какая ж мука

Мессией быть, который мир спасает!

Всем счастье дать, и быть всегда несчастным,

Несчастливым, ибо вечно одиноким [12, с. 8].

Одиночество и страдания оказываются фундаментальными модусами существования героев драмы Леси Украинки. Автор ведет речь о трагической обреченности Спасителя быть одиноким в этом мире. Символическая картина пространства пустыни с неподвижной фигурой Христа, который находится в тяжелых раздумьях, изображенная в первом действии, порождает аллюзии к евангельскому повествованию: «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал» (Мф. 4:1). Этот период жизнеописания Христа, пожалуй, больше, чем другие, характеризует Его человеческую природу. Для того, чтобы подготовиться к выполнению миссии, с которой он пришел на землю, Христос должен был находиться в течение определенного сакрального времени в одиночестве, в молитве и посте, и противостоять искушениям. Это, своего рода, момент инициации, то есть перехода в новое качество, который отчетливо акцентирует внимание на его человеческих чертах. Христос осознает Свою миссию, однако, как человек, Он не лишен необходимости пройти через искушения, испытания, страдания и смерть.

Этот путь, который действительно делает Иисуса «Сыном Человеческим», в драме Леси Украинки повторяет Мириам. Она также блуждает по пустыне, приведенная туда «духом». Ее душа полна страданий, как «дом сгоревший», которую сожгла любовь ко Христу и ненависть к миру, который не способен принять Сына Божьего: «Я верю, что ты – свет наш, и та, кого / Наш темный люд доселе не приемлет» [12, с. 14]. Все действия Одержимой обусловлены страстной ненавистью и пылкой любовью: «Как маловерные любить умеют! / Какое пламя эта их любовь!» [12, с. 17]. Эти страсти выжигают душу Мириам. Ее страдания усиливаются ощущением одиночества: «И вечно, вечно буду одинокой» [12, с. 22] и неверием.

Мириам хотя и называет Мессию Сыном Божиим, однако не имеет достаточно веры, чтобы понять Божественную сущность Его любви. Ведь для этого нужно достичь состояния внутренней целостности. Это невозможно для героини драмы, ведь, в отличие от кающейся грешницы из Евангелия (Лк. 7:37-50), которой Иисус прощает все грехи, «за то, что она возлюбила много...» (Лк. 7:47), Одержимая является типом грешницы нераскаявшейся.

Как отметил Н. Фрай, слово «покаяние» первоначально «означало изменение мировоззрения или духовный перелом, более глубокое понимание сущности человеческой жизни» [16, с. 198]. Именно такие внутренние изменения личности делают возможным достижение той полноты и целостности жизни, которая в Священном Писании предстает как Царство Божие. Мириам не стремится к покаянию, которое возможно через всепрощение и любовь к ближним. Проклиная толпу, она противопоставляет себя ей, сознательно выбирая смерть.

Таким образом, страдания и одиночество, жертвенная смерть – то, что объединяет обоих героев драмы, подчеркивает общие черты в создании этих образов, однако не уравнивает их.

Жертва Одержимой, которая, как отмечает Т. Гундорова – «может трактоваться по меркам древнегреческим, как дионисийский экстазм...» [5, с. 25], а также постулирование сознательного свободного выбора героини драмы, ее противопоставление себя массе – те аспекты художественного изображения Мириам, которые позволяют соотнести взгляды автора с идеями Ф. Ницше и философией экзистенциализма. Ввиду того, что образ Мириам в определенный период жизни был внутренне близок Лесе Украинке, стоит согласиться с мнением о том, что на этом этапе творчества ее мировоззренческие ориентиры находились «в русле поисков атеистической экзистенциальной философии» [18, с. 52]. Следовательно, высшей ценностью для автора «Одержимой» является свобода, верность, любовь, жертвенность – те факторы, которые составляют по определению Т. Гундоровой «персоналистически-экзистенциальную этику любви Леси Украинки» [5, с. 25].

Искупительная жертва Мессии несоизмерима с жертвой, совершенной Одержимой, как несоизмеримы духовно и сами герои. Если воспринимать открытость и замкнутость как соответствующие маркеры добра и зла, то движение навстречу – сущность добра, а углубление в себя, отчуждение – то, что открывает дорогу злу. Поэтому отстраненность Мириам, ее углубление в собственные переживания, противопоставление себя миру людей, ненависть и неприятие несовершенной человеческой природы приводит к смерти от рук возмущенной толпы.

Такой трагический финал произведения противоречит евангельскому духу торжества Воскресения, жизни и победы над смертью. Однако Леся Украинка не ставила цель воссоздать оптимистический пафос Евангелия. То, что Мириам повторяет на своем, человеческом, уровне путь Христа – блуждания в пустыне, одиночество, любовь, страдания и жертвенная смерть, по нашему мнению, является своего рода пародией, которая подчеркивает главную идею: по несовершенству своей природы человеку трудно понять тот идеал любви, который воплощен в образе Христа. Человек обречен разрываться между противоположными полюсами добра и зла, любви и ненависти. Поэтому свободный выбор смерти для человека, подобного главной героине произведения, является едва ли не единственным способом разорвать этот вечный круг метания от одной противоположности к другой.

Следует отметить, что по словам Н. Фрая, подобная форма риторики, когда «каждый апокалиптический или идеализированный библейский образ имеет свое демоническое соответствие» [16, с. 217], составляет сущность типологической интерпретации текста. Типология, как отмечает исследователь, – «это фигура речи, что движется во времени: тип существует в прошлом, антитип – в настоящем, или же тип существует в настоящем, а его антитип – в будущем» [16, с. 129]. По мнению ученого, существует «два варианта демонической образности: пародийный демонизм ... и явный демонизм» [16, с. 217]. Поэтому Мириам – эта «одержимая духом» нераскаявшаяся грешница, является, согласно такому способу интерпретации, «демоническим

соответствием ... невесты Христа» [16, с. 211]. Стоит напомнить, что в Библии невестой Христа названа Церковь: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее» (Еф. 5:25), «Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу, ибо наступил брак Агнца, и жена Его приготовила» (Откр. 19:7), как объединение последователей Христа, то есть тех людей, которые искренне исповедуют Христианство. Героиня драматической поэмы не только не входит в их число, но и позиционирует себя как оппонент этого сообщества. Поэтому такая интерпретация представляется вполне целесообразной.

Таким образом, обращение Леси Украинки в «Одержимой» к библейскому тексту является выражением ее духовных и творческих исканий. Переосмысливая евангельский сюжет в русле экзистенциальной философии, автор пытается найти ответы на «вечные» вопросы о сущности свободы, любви и ненависти, о смысле человеческой и Божественной жертвенности.

Список литературы:

1. Агеєва В. Поетеса зламу століть. Творчість Лесі Українки в постмодерній інтерпретації: Монографія. Київ: Либідь, 1999. 264 с.
2. Банацька Н.А. Християнські мотиви та образи в драматургії Лесі Українки (морально-ціннісні аспекти): дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.01.01 – українська література. Київ, 2000. 195 с.
3. Бердяев Н.А. О достоинстве христианства и недостоинстве христиан [Электронный ресурс] // LibreBook [сайт]. 2021. URL: <https://bit.ly/3tSt1Qn> (дата обращения: 10.03.2021).
4. Бетко І. Драматична поема «Одержима»: проблема морального максималізму // Дивослово. 1995. № 2. С. 19-21.
5. Гундорова Т. Леся Українка: християнство-екзистенціалізм-фемінізм // Слово і час. 1996. № 8/9. С. 19-28.
6. Гундорова Т. Про явлення Слова. Дискурсія раннього українського модернізму. Вид. друге, перероб, допов. Київ: Часопис «Критика», 2009. 448 с.

7. Забужко О. Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій. 3-вид., виправл. Київ: Факт, 2007. 640 с.
8. Зборовська Н. Моя Леся Українка: Есей. Тернопіль: Джура, 2002. 228 с.
9. Кузьма О. Художнє втілення філософії екзистенціалізму в драматичній поемі Лесі Українки «Одержима» // Дивослово. 2010. № 2. С. 25-29.
10. Крылова Д. Трансформация представлений об одержимости на материалах позднесредневековых демонологических трактатов // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 123-130.
11. Одержимость, одержимый, бесноватый [Электронный ресурс] // Библиейская Энциклопедия Брокгауза. Agape-Bablia [сайт]. 2021. URL: <https://bit.ly/3lMjnfj> (дата обращения: 10.03.2021).
12. Украинка Леся. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1950. 847 с.
13. Українка Леся. Зібрання творів у 12 т. Київ: Наукова думка, 1979. Т. 12, 696 с.
14. Поліщук Я. Три смерті – три вічності (пошуки сенсу життя в драматичній поемі Лесі Українки «Одержима») // Слово і Час. 2001. № 6. С. 11-21.
15. Скупейко Л. Текст автора як екзистенціаль страждання (Драматична поема Лесі Українки «Одержима») // Слово і Час. 2001. № 11. С. 32-43.
16. Фрай Н. Великий код: Біблія і література. Львів: Літопис, 2010. 363 с.
17. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
18. Шморгун О. Гуманістичні виміри свободи в екзистенційній драматургії Лесі Українки та Ж.-П. Сартра // Слово і час. 2010. № 2. С. 41-53.
19. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Имя Розы: Детектив. М.: Кн. палата, 1989. 496 с.

Сведения об авторе:

Жвания Людмила Викторовна – кандидат филологических наук, докторант Волынского национального университета имени Леси Украинки (Луцк, Украина).

Data about the author:

Zhvania Lyudmyla Vyktorivna – Candidate of Philological Sciences, Doctoral Candidate of Lesya Ukrainka Volyn National University (Lutsk, Ukraine).

E-mail: zhvania@ukr.net.